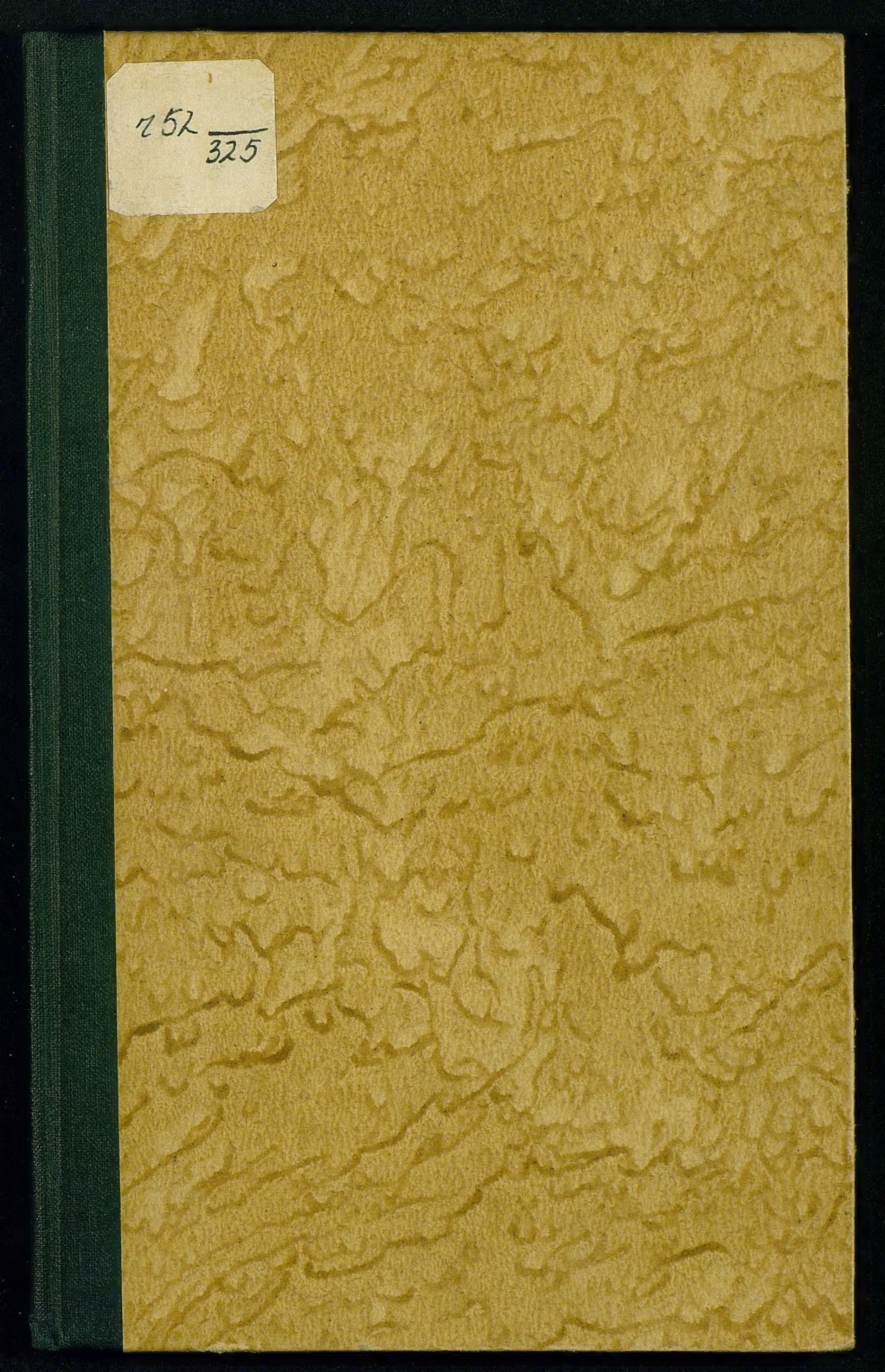
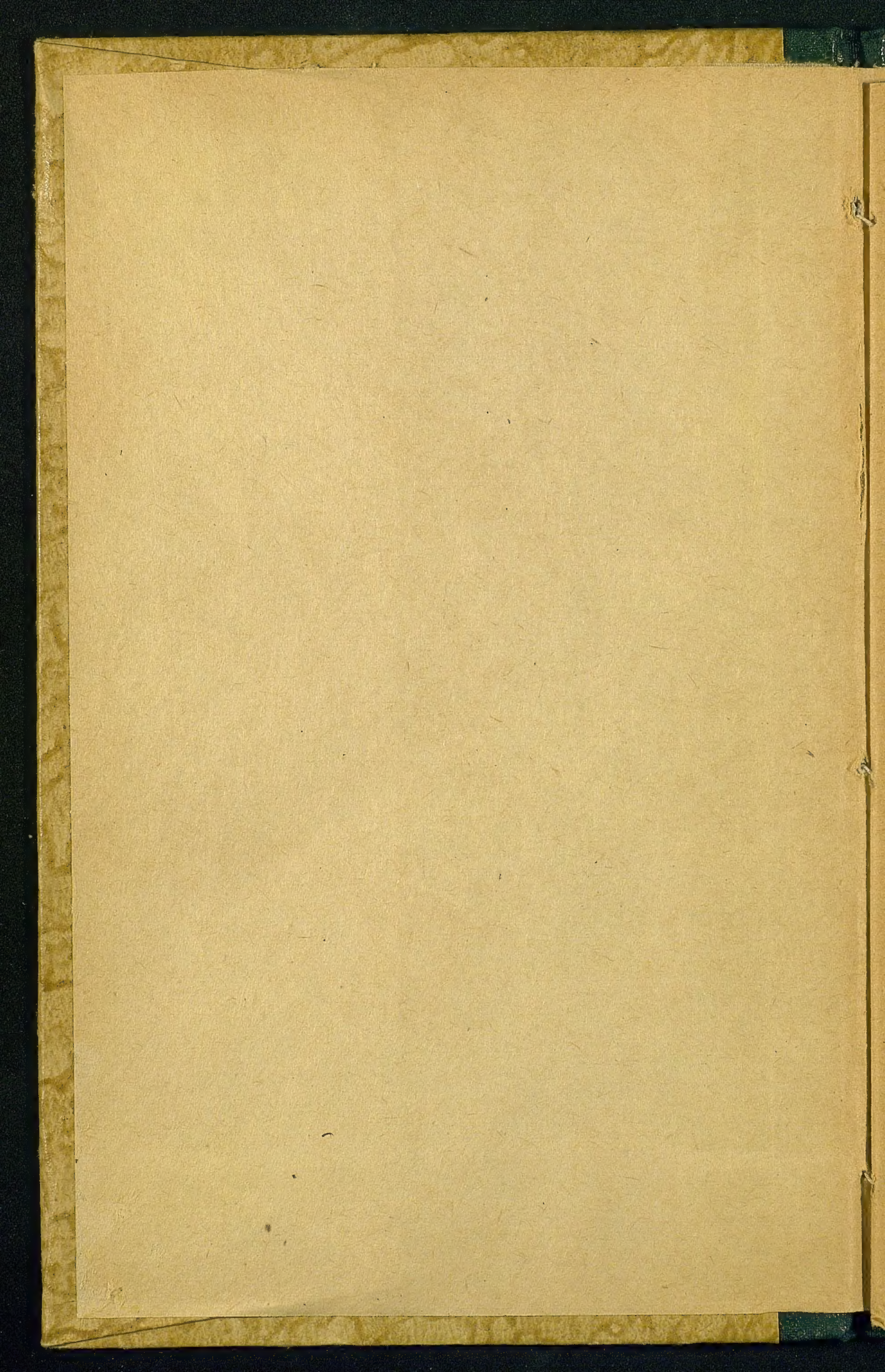
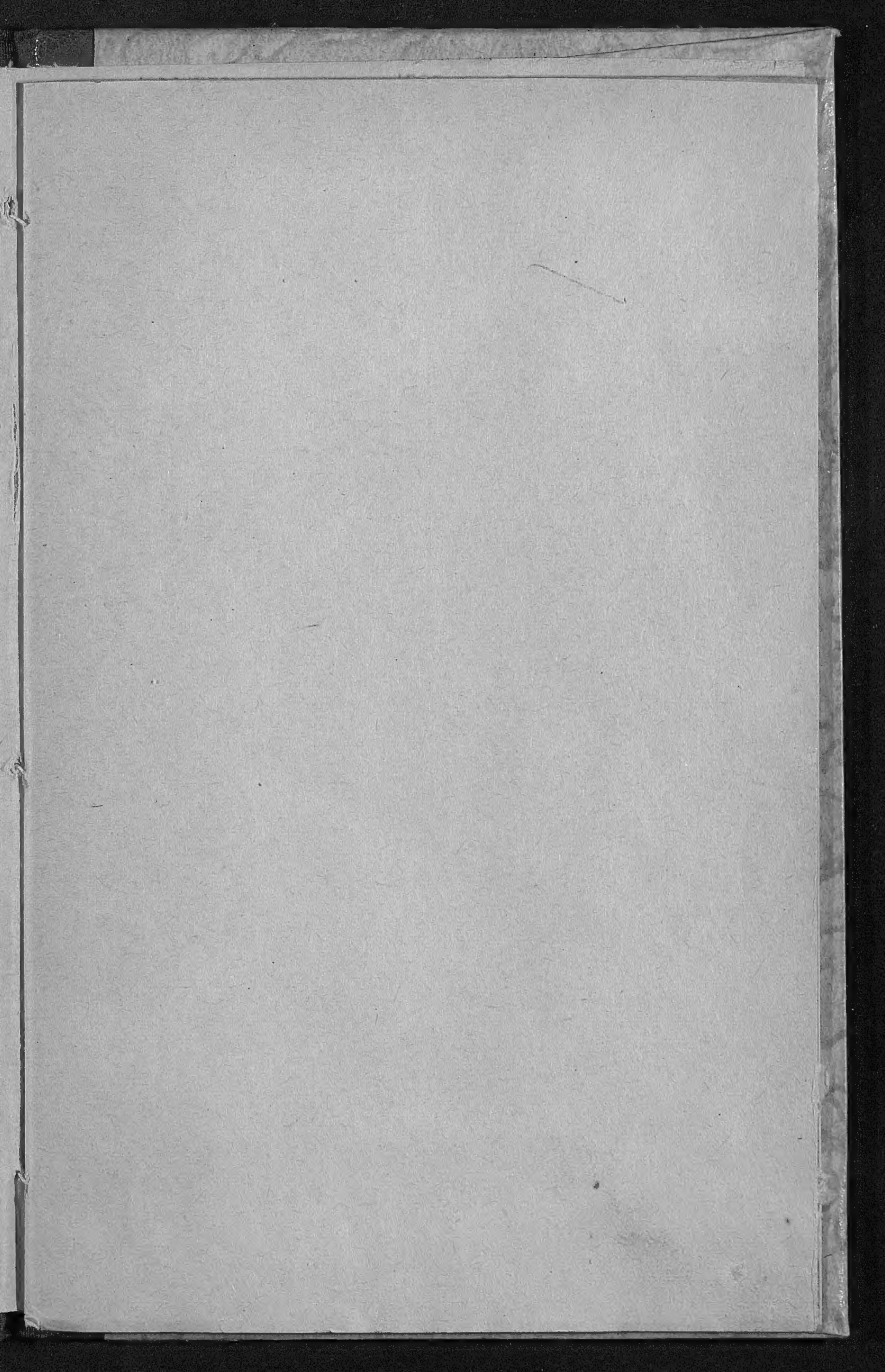
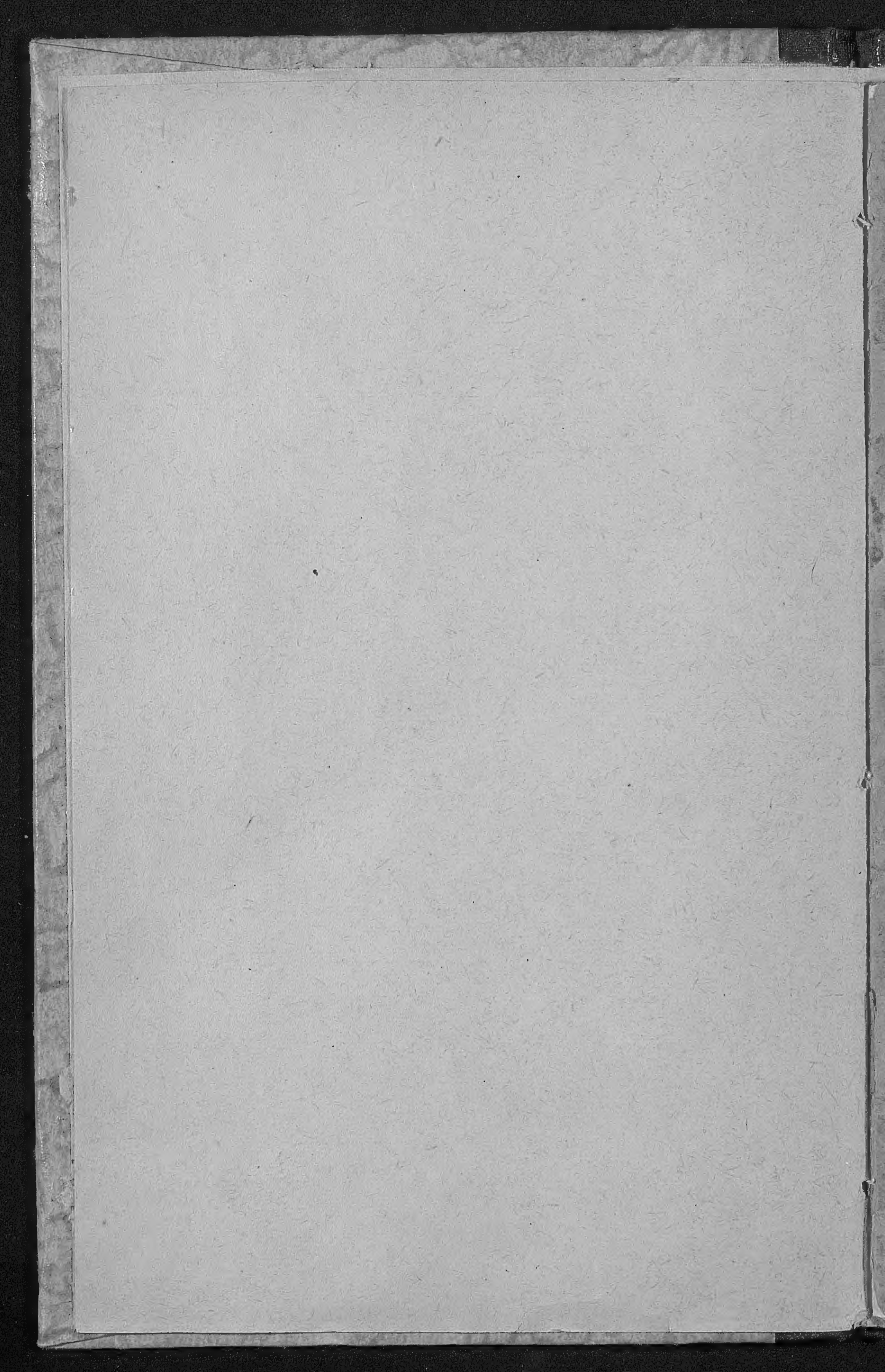

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

и

Народный Суверенитетъ.

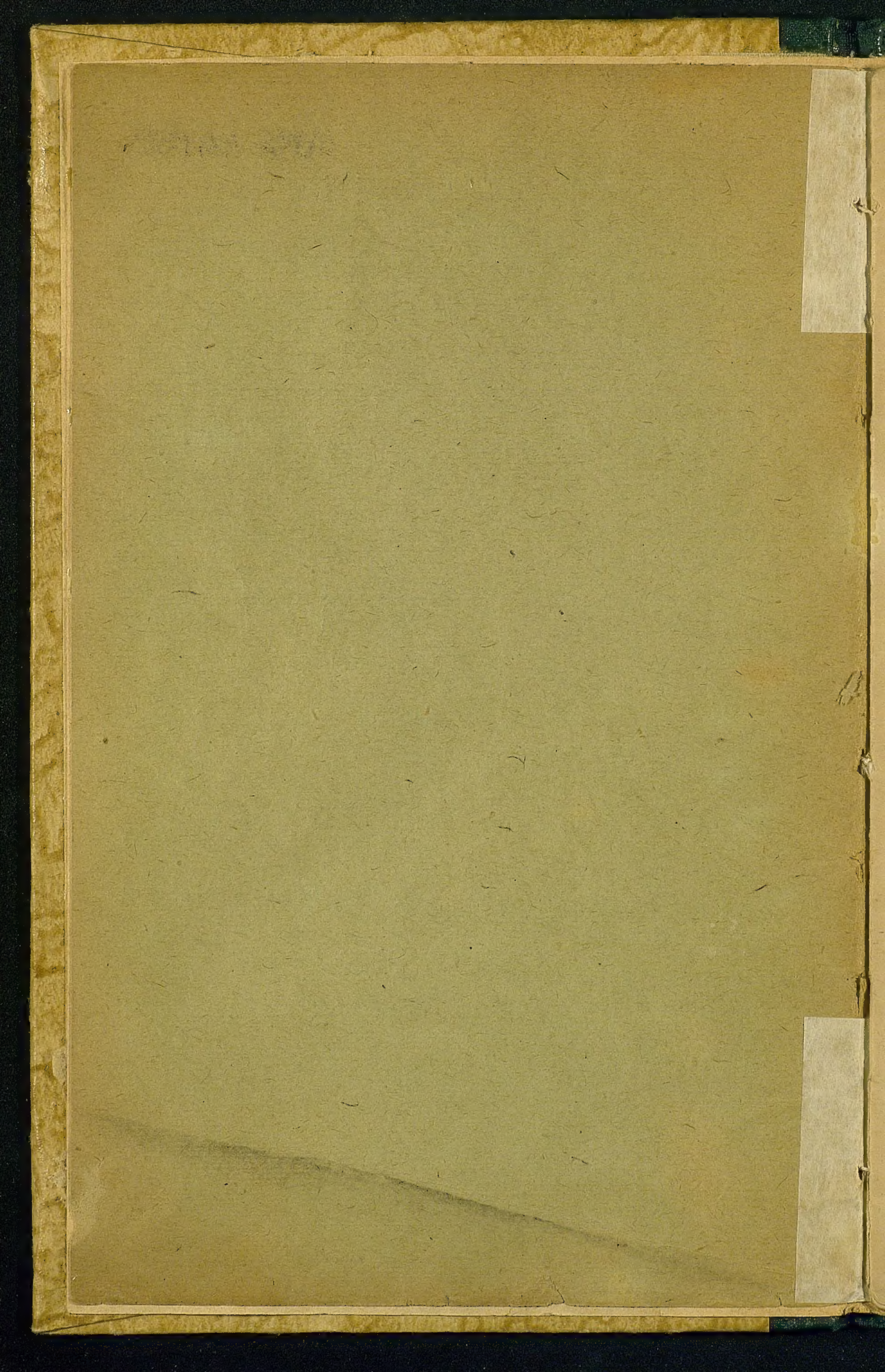
Рѣчь, составленная проф. В. Н. Ренненкампфомъ для произнесенія на ТОРЖЕСТВЕННОМЪ АКТѢ

Императорскаго Новороссійскаго Университета

1-го Мая 1908 года.

ОДЕССА
Типографія „Русской Рѣчи“, Александровскій проспектъ д. Покровской церкви.
1909 г.

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

и

Народный Суверенитетъ.

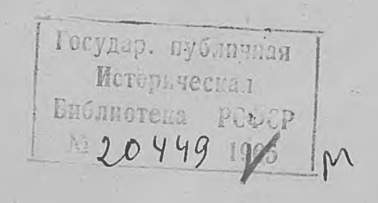
Рѣчь, составленная проф. В. Н. Ренненкампфомъ для произнесенія на ТОРЖЕСТВЕННОМЪ АКТѢ

Императорскаго Новороссійскаго Университета

1-го Мая 1908 года.

ОДЕССА
Типографія „Русской Рѣчи", Александровскій проспектъ д. Покровской церкви.
1909 г.

Правовое Государство и Народный Суверенитетъ.

„*Не плакать, не смѣяться,*
а понимать".

Спиноза.

„Истиннаго освобожденія *духа* нельзя ждать хотя бы отъ самой великой и самой дикой арміи—за него долженъ лично, своими собственными силами, бороться отдѣльный индивидуумъ". Отто Вейнингеръ. Полъ и характеръ. Изд. 2-е, с. 88.

Признакомъ, характеризующимъ современное намъ конституціонное государство, служитъ идея законности, которая заложена въ основу его. Государство все болѣе и болѣе склоняется предъ властью права и признаетъ его руководящимъ началомъ своей жизни. Во имя его (права), всемогущее нѣкогда государство допускаетъ въ качествѣ непрекаемой границы своего господства свободную человѣческую личность; признаетъ священную область внутреннихъ помысловъ и чувствъ, область личнаго самоопредѣленія, недоступную для государственнаго вмѣшательства. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно постепенно отказывается отъ своей исключительности и замкнутости и допускаетъ рядомъ съ собою права другихъ государствъ и народовъ.

Служа осуществленію идеи законности, конституціонное государство закономъ же опредѣляетъ существующія въ немъ отношенія власти и подчиненія. Самый законъ его является актомъ той государственной

воли, въ процессѣ образованія которой участвуетъ всякій полноправный гражданинъ въ лицѣ своихъ избранныхъ представителей. Такимъ образомъ законъ, какъ высшая форма права, пріобрѣтаетъ органическій характеръ, не являясь для гражданина чуждымъ, стороннимъ ему велѣніемъ *). Лишь въ конституціонномъ государствѣ и властвующіе, и повинующіеся правовымъ образомъ сливаются въ единое политическое цѣлое, лишь тамъ, если не уничтожается, то, во всякомъ случаѣ, смягчается двойственность правящихъ и управляемыхъ.

Но признаваемое конституціоннымъ государствомъ *право* народа на политическое самоопредѣленіе, безъ сомнѣнія, подвержено, въ зависимости отъ историческихъ условій своего происхожденія, весьма существеннымъ колебаніямъ, и современная политическая наука по признаку распредѣленія власти между правительствомъ и народомъ и по характеру ихъ взаимныхъ отношеній обычно раздѣляетъ государственно-консти-

---

*) „Нѣтъ закона", говоритъ Лоренцъ ф. Штейнъ, „безъ народнаго представительства, гдѣ оно отсутствуетъ, тамъ нѣтъ и различія между закономъ и распоряженіемъ, нѣтъ даже вопроса о границахъ распорядительной власти, о правахъ ея издавать распоряженія, такъ какъ всякое ея велѣніе есть уже законъ..... и каждый указъ государственной власти является здѣсь тѣмъ, что теперь мы называемъ закономъ." Lorenz v. Stein. Verwaltungslehre T. I. S. 53.

„Только фактически", утверждаетъ Отто Майеръ, „можетъ образоваться въ абсолютномъ государствѣ правовой порядокъ..... князь является здѣсь единственнымъ носителемъ громадной задачи, воплощеніемъ государственной цѣли. По отношенію къ подданнымъ власть его не имѣетъ юридическихъ границъ, что онъ желаетъ, то и обязательно". Otto Mayer. Deutsches Verwaltungsrecht. B. I. S. 38 u. f.

„И только съ предоставленіемъ народному представительству самостоятельной законодательной функціи удалось создать право такой нерушимости, которая заключается въ самой его идеѣ.... только этимъ путемъ удалось въ представительномъ государствѣ разрѣшить ту проблему, чтобы само правительство, самъ глава государства были подчинены законамъ". См. Auschütz. Deutsches Staatsrecht. S. 593; Laband. Staatsrecht des Deutschen Reiches. B. I. S. 640—641; von Martitz. Begriff des Gesetzes. S. 247 u. f.

туціонныя образованія на двѣ большія группы: основанныя на народномъ суверенитетѣ и октроированныя.

Оставляя въ сторонѣ послѣднія, займемся первыми.

Идея народнаго суверенитета есть старое наслѣдіе европейскаго политическаго сознанія, получившаго его въ традиціи римскаго права, въ глазахъ котораго императоръ являлся уполномоченнымъ народа и лишь въ силу этого полномочія имѣлъ ту или другую власть. Онъ былъ въ существѣ дѣла однимъ изъ органовъ республики, республиканскимъ магистратомъ и „какъ далеко ни ушло политическое развитіе Рима въ монархическомъ направленіи, идея народнаго, республиканскаго происхожденія императорской власти продолжала теплиться, мерцая, и среди полнаго расцвѣта глубоко рабскихъ чувствъ и чисто азіатскаго деспотизма"*).

Обращаясь къ среднимъ вѣкамъ, мы находимъ, что гибеллины и ихъ противники гвельфы на ряду съ божественнымъ происхожденіемъ власти допускали ея делегацію отъ народа и охотно признавали, что монархъ есть лишь его служитель. Еще Марсилій Падуанскій, знаменитый родоначальникъ демократическихъ ученій новаго времени, формулировалъ идеи народнаго суверенитета съ рѣдкой ясностью и опредѣленностью. Того же направленія держались Енгельбертъ ф. Фолькерсдорфъ, извѣстный схоластикъ, глава номиналистической школы, Вильгельмъ Оккамъ, Николай Кузанскій, Петръ Андлау и канцлеръ парижскаго университета Іоаннъ Жерсонъ. Сюда же слѣдуетъ отнести и перваго систематика германскаго положительнаго права Лупольда ф. Бебенбурга, который въ своемъ сочиненіи „De juribus regni et imperii Romanorum" 1340

*) Дм. Петрушевскій. Очеркъ изъ исторіи средневѣковаго общества и государства. С. 51—52.

г., излагая отношенія германскаго императора къ имперіи, говоритъ: „populus major ipso principe est."

По мнѣнію современныхъ публицистовъ идея народнаго суверенитета въ процессѣ своего историческаго развитія носила боевой характеръ, она была полемическимъ орудіемъ въ рукахъ противниковъ той власти, права которой оспаривались. По выраженію весьма извѣстнаго нѣмецкаго ученаго Jellinek'а она являлась „боевымъ знаменемъ" всѣхъ боровшихся съ такой властью. Ею пользовались противники абсолютизма и въ лагерѣ французскихъ католиковъ-лигеровъ и въ станѣ шотландскихъ пуританъ; она встрѣчается въ ученіи іезуитовъ Маріаны и Суареца и въ теоріяхъ гугенотовъ монархомаховъ. Ее противопоставляли и самовластію Людовика XIV и абсолютизму Стюартовъ.

Новую и болѣе глубокую обработку она получила въ школѣ естественнаго права, гдѣ идею народнаго суверенитета связывали съ принципомъ договорнаго происхожденія власти, по смыслу котораго всякое правительство основывается на предварительномъ согласіи гражданъ. Свое высшее напряженіе идея народнаго суверенитета пріобрѣтаетъ въ ученіи Руссо, отождествлявшаго народное верховенство съ такъ называемой общей волей (volonté générale), воплощающейся въ законодательствѣ; эта общая воля, объединяя въ себѣ народъ и государство, не знаетъ никакихъ юридическихъ предѣловъ, къ ней восходитъ всякое право и *она даетъ государству его конкретныя очертанія.* Значеніе этого послѣдняго положенія было громадно, теорія получаетъ практическій смыслъ, становится не только лозунгомъ, но и программой.

А между тѣмъ въ подкрѣпленіе этому лозунгу силой историческихъ судебъ на совершенно дѣвственной политической почвѣ Сѣверной Америки выростало на-

родоправство, выростало тамъ, гдѣ не было ни королевской власти, ни старой аристократіи, ни установленной церкви, ни традиціонно и консервативно настроенной національной массы, однимъ словомъ, тамъ, гдѣ ничто, никакая традиція не могла задерживать его развитія. Въ сѣверо-американскихъ колоніяхъ Англіи, получившихъ политическую независимость, нація въ ея совокупности признана была единственнымъ и естественнымъ источникомъ всякой власти.

Мысль эта красной нитью проходитъ и въ конституціяхъ отдѣльныхъ штатовъ и въ федеральной конституціи 1787 г. Во введеніи къ ней говорится: „Мы, *народъ* Соединенныхъ Штатовъ, съ цѣлью создать болѣе совершенное единство, установить справедливость, обезпечить домашнюю безопасность, общую защиту, содѣйствовать общему благосостоянію и упрочить благодѣянія свободы для насъ и нашего потомства, – мы устанавливаемъ эту конституцію Соединенныхъ Штатовъ Америки.“ Такимъ образомъ Сѣверо-Американскіе Штаты сдѣлались первымъ по времени въ новомъ мірѣ демократическимъ государствомъ.

Но наиболѣе яркое примѣненіе демократической идеи представляетъ, безъ сомнѣнія, великая французская революція. Она была насквозь проникнута мыслью о народномъ суверенитетѣ: монархическая власть и сословныя привиллегіи разсматривались ею какъ узурпація народнаго права, котораго не можетъ погасить никакая историческая давность. Всѣ законодательные акты издавались во имя національнаго верховенства, принципъ котораго утверждала конституція 1791 г. *)

*) „Верховная власть“, гласитъ эта конституція, „едина, нераздѣльна, неотчуждаема и неотъемлема; она принадлежитъ націи..., отъ которой единственно происходятъ всѣ власти“.

и повторяли проэктъ конституціи жирондистовъ 1793 г. и конституція конвента того-же года.

Послѣдующіе законодательные акты Франціи относились съ недовѣріемъ къ революціоннымъ принципамъ, но движеніе 1848 г., завершившееся провозглашеніемъ республики, возстановило въ полномъ объемѣ принципъ народнаго суверенитета. *) Сама конституція того времени была создана такимъ образомъ, чтобы устранить все, какъ бы противорѣчащее народному верховенству, напр. двухпалатность, непрямой выборъ президента и т. д. Эпоха Наполеона III, хотя оффиціально и признавала народный суверенитетъ, но, какъ общеизвѣстно, не соотвѣтствовала ему по своей сущности. Конституція 1852 г. воспользовалась принципомъ народовластія лишь для того, чтобы на широкой основѣ всенароднаго избранія основать единоличную власть главы государства, которому народъ ввѣрялъ правленіе съ правомъ непосредственнаго обращенія къ націи.

Только третья французская республика, если и не провозглашаетъ формально еще разъ неотъемлимости народнаго верховенства, то за то фактически стоитъ на его почвѣ. Вся власть имѣетъ своимъ источникомъ народное избраніе; президентъ республики, избранный палатами народныхъ представителей, назначая министровъ, согласуется съ мнѣніемъ и желаніемъ большинства выборныхъ палатъ; имъ же принадлежитъ право измѣнять и государственное устройство, не касаясь лишь республиканской формы правленія.

Политическій строй современной намъ Франціи сталъ образцомъ для подражанія новыхъ государствен-

*) По конституціи 1848 г. „всѣ общественныя власти, каковы бы онѣ ни были, имѣютъ свой источникъ въ народѣ“.

ныхъ организацій, имѣющихъ въ своемъ основаніи принципъ народнаго суверенитета. Принципъ этотъ въ настоящее время осуществленъ во всѣхъ демократическихъ республикахъ Стараго и Новаго Свѣта и выраженъ даже въ нѣкоторыхъ монархическихъ конституціяхъ, особенно въ странахъ, относительно недавно начавшихъ самостоятельное политическое бытіе, напр. въ бельгійской, румынской, греческой, отчасти португальской 1826 г., гдѣ монархъ является какъ бы магистратомъ націи. Но и въ тѣхъ монархическихъ конституціяхъ, гдѣ не ссылаются на принципъ народнаго суверенитета иногда въ конечномъ счетѣ рѣшающая власть въ государствѣ принадлежитъ все же совокупности полноправныхъ гражданъ и за ними, при столкновеніи различныхъ государственныхъ органовъ, остается послѣднее слово. Напр., въ Англіи и Норвегіи политически рѣшающее слово остается за избирателями.

. . . .

. . . .

. . . .

Изложивъ историческое развитіе идеи народовластія, мы посмотримъ, представляется ли идеалъ народнаго суверенитета высшимъ и предѣльнымъ концомъ политической жизни? Или же есть начала, которыя стоятъ надъ идеей народнаго суверенитета?

Еще нѣмецкіе философы, Кантъ и Фихте, а въ послѣднее время нашъ извѣстный русскій писатель Владиміръ Соловьевъ въ качествѣ всеобъемлющаго руководящаго начала провозгласили идею міроваго единства и гармоніи вселенской жизни, поставивъ во главу общественныхъ стремленій принципъ общечеловѣческой солидарности, всемірной правды и братства народовъ.

Въ наше время все болѣе и болѣе слагается убѣж-

деніе, что народный суверенитетъ—эта высшая заповѣдь политической доктрины XVIII вѣка, не является альфой и омѣгой политическихъ исканій и политической морали, есть другія понятія,—право личности, право общечеловѣческаго братства и единства, право высшей справедливости, передъ которыми должна склониться идея народнаго суверенитета.

Современная научная критика утверждаетъ, что померкла ясность идеи народнаго верховенства, что ее легче было провозгласить какъ аксіому политической доктрины, чѣмъ вывести изъ нея безспорныя и законченныя юридическія послѣдствія, провести въ жизнь равенство и свободу, отвѣтственность учрежденій передъ закономъ, всеобщее избирательное право, раздѣленіе властей,—однимъ словомъ все то, что существеннымъ образомъ связывалось съ идеей народнаго суверенитета ея первыми провозвѣстниками, что даже въ передовыхъ правовыхъ государствахъ съ свободными политическими учрежденіями, имѣющими въ основѣ своей идею народовластія, не достигнутъ удовлетворительный прогрессъ жизненныхъ формъ, нѣтъ мирной и согласной жизни гражданъ, нѣтъ истинной картины осуществленія равенства и свободы; не обезпечены интересы широкихъ народныхъ массъ, интересы того большинства, которое составляетъ основаніе государства, его личный субстратъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ *меньшинство* также не можетъ считать себя удовлетвореннымъ, живя въ современныхъ условіяхъ политическаго быта какъ не дающихъ отдѣльной личности достаточной защиты.

Въ современномъ строѣ блага свободы и равенства выпали главнымъ образомъ на долю средняго класса, такъ называемой буржуазіи; ея трудами и усиліями завоеванъ тотъ парламентскій порядокъ, который обезпечиваетъ ей господство. Значительно позднѣе на аре-

ну политической жизни выступаютъ обдѣленные низшіе классы, представляющіе собою массу населенія.

Типическій образчикъ критики правового государства съ точки зрѣнія народныхъ массъ мы находимъ въ сочиненіяхъ Антона Менгера, особенно въ его „Новомъ ученіи о государствѣ“ *). Менгеръ подвергаетъ ѣдкому анализу все строеніе существующаго правового государства и приходитъ къ тому заключенію, что оно не удовлетворяетъ тѣмъ принципамъ народной воли и народнаго блага, свободы и равенства гражданъ, на которыхъ само покоится. По его мнѣнію во внутренней жизни современнаго государства дѣйствительное положеніе вещей часто скрывается при помощи звучной, хотя и пустой фразеологіи, и не рѣдко принимаютъ за народное благо и народную волю такое положеніе дѣлъ, которое выражаетъ собою лишь интересы болѣе вліятельныхъ общественныхъ круговъ. Правда, въ современномъ государствѣ замѣчаются такія установленія, которыя какъ бы служатъ народному благу, напр. цѣлесообразная постановка полиціи, проведеніе хорошихъ путей сообщенія, устройство усовершенствованныхъ больницъ, школъ и т. п. Но развѣ это, говоритъ Менгеръ, можетъ считаться основой стремленій правового государства? Вѣдь въ большинствѣ современныхъ государствъ народныя средства поглощаются содержаніемъ армій и флотовъ, уплатой процентовъ по безконечнымъ займамъ, расходами на покрытіе нуждъ вѣдомства иностранныхъ дѣлъ, — однимъ словомъ, такими предметами, которые не имѣютъ непосредственнаго значенія для интересовъ широкихъ народныхъ массъ.

Въ настоящее время все сильнѣе и сильнѣе раздаются требованія сдѣлать государство болѣе соотвѣт-

*) А. Менгеръ. Новое ученіе о государствѣ. Спб. 1906.

ствующимъ своему призванію, заставить его служить интересамъ большинства народа *), таковъ характерный признакъ переживаемой нами эпохи.

Демократизація общества есть тотъ неизбѣжный фактъ, съ которымъ необходимо считаться, и жизнь неотвратимо стремится къ тому, чтобы осуществить демократическіе принципы.

Переходя отъ народнаго блага къ началу свободы, осуществленіе которой должно быть самой главной задачей правового строя, Менгеръ полагаетъ, что въ принципѣ, въ законѣ свобода, повидимому, утверждается и охраняется отъ произвола и насилія. Въ моментъ возникновенія правового государства торжественно были провозглашены начала свободы, и, казалось, что это провозглашеніе равносильно ея осуществленію въ государствѣ. Но не подумали о томъ, что реализація свободы обусловлена матеріальной обстановкой жизни, и лица, находящіяся въ нуждѣ, не въ силахъ пользоваться, напр., предоставленной имъ политической свободой, состоя въ экономической зависимости отъ другихъ.

Идеалъ равенства, подобно идеалу свободы, также не проводится послѣдовательно и до конца въ современномъ государствѣ: равенство въ правовомъ государствѣ есть только понятіе юридическое и формальное.

Не смотря на то, что равенство было однимъ изъ самыхъ могущественныхъ стимуловъ въ дѣлѣ созиданія правового государства, не взирая на то, что стрем-

---

*) Исходя изъ различныхъ точекъ зрѣнія и при всемъ несходствѣ своихъ ученій столь выдающіеся мыслители какъ монархистъ Л. Штейнъ, либералъ Милль и соціалистъ Лассаль приходили къ *той же* мысли, полагая, что государство не должно быть государствомъ немногихъ, а государствомъ всѣхъ, что оно должно сдѣлаться истинно народнымъ, и только въ этомъ смыслѣ признавали за нимъ право на наименованіе его *правовымъ* государствомъ.

леніе къ уравненію правъ является одной изъ самыхъ характернѣйшихъ особенностей политическаго развитія XIX вѣка, все же слѣдуетъ признать, что равенство осуществлено на дѣлѣ лишь формально, но никакъ не фактически.

Юридическое равенство новой эпохи скрываетъ въ себѣ тѣмъ болѣе тяжелое соціальное неравенство, что оно основывается не на силѣ патріархальныхъ преданій, не на добровольномъ подчиненіи божественному порядку народныхъ массъ, а на могуществѣ капитала.

Политическій характеръ французской революціи много способствовалъ тому, что равенство въ то время было понято лишь въ смыслѣ юридическомъ: въ смыслѣ урегулированія налоговъ, уничтоженія податныхъ и судебныхъ привилегій, уравненія всѣхъ передъ закономъ, установленія гражданскаго равноправія. Многое изъ этого только формально вошло въ жизнь современнаго государства, но на дѣлѣ полное осуществленіе и этого идеала—есть еще вопросъ будущаго.

Подробное изученіе жизни правового государства, заключаетъ Менгеръ, ясно показываетъ намъ, что ни одно основное начало, провозглашенное на зарѣ современнаго государства, не доведено до конца.

Если таковы возраженія сторонниковъ большинства, то защитники меньшинства равнымъ образомъ не удовлетворяются современнымъ правовымъ строемъ, находя, что онъ не соотвѣтствуетъ чувствамъ и потребностямъ морально развитой личности.

Убѣжденный партизанъ правъ меньшинства, извѣстный нѣмецкій ученый, профессоръ Еллинекъ въ своей брошюрѣ „Права меньшинства“ *) говоритъ, что чѣмъ болѣе демократизируется современное общество, расширяются и утверждаются права большин-

*) Г. Еллинекъ. Права меньшинства. 1906. С. 44—48 и др.

ства, тѣмъ болѣе находятся въ опасности права меньшинства, права тѣхъ, которые, будучи не согласны съ общимъ теченіемъ жизни, хотѣли бы проложить себѣ самостоятельную дорогу, хотѣли бы жить по своей волѣ. Ростъ демократіи является огромной опасностью по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ. Многіе съ этой точки зрѣнія опасаются будущаго развитія власти общественнаго мнѣнія, принудительно дѣйствующей на личность, и предрекаютъ гибель самостоятельности индивидуума. Несомнѣнно, что теперь во многихъ избранныхъ натурахъ въ противовѣсъ господствующимъ теченіямъ пробуждается чувство, которое можно назвать чувствомъ непокорности меньшинства.

„Новыя ученія о сверхчеловѣкѣ и морали господъ, вплоть до заблужденій теоретическаго анархизма, становятся понятны лишь на фонѣ эпохи, стремящейся провозгласить безапелляціонное право большинства.

Въ глубинѣ всѣхъ этихъ ученій, какъ ядро ихъ, заложена идея, что обезпеченіе за личностью такой области, которая была бы свободна отъ вліянія государства и общества и въ предѣлахъ которой личность не была бы обязана подчиняться никакому большинству, является насущнѣйшей соціальной потребностью". Въ современной же политической жизни можно лишь подмѣтить зачатки института, направленнаго къ охраненію правъ меньшинства. Существующіе въ правовомъ государствѣ учрежденія и способы, сдерживающіе большинство, напр., двухпалатная система, требованіе квалифицированнаго большинства въ извѣстныхъ случаяхъ, обструкція и сецессія т. е. уклоненіе отъ подачи голоса въ томъ расчетѣ, что уменьшеніе числа голосующихъ сдѣлаетъ остальное собраніе неспособнымъ принять извѣстное рѣшеніе, не удовлетворяютъ Еллинека; онъ находитъ, что эти средства только ог-

раничиваютъ въ извѣстной степени право большинства, но не охраняютъ въ достаточной мѣрѣ положительныя требованія меньшинства, а между тѣмъ признать ихъ незаслуживающими вниманія, значитъ устранить понятіе о правахъ личности, о путяхъ новаго моральнаго творчества; послѣднее же на столько существенно въ культурномъ отношеніи, что проф. Еллинекъ, заканчивая свое произведеніе о „Правахъ меньшинства", выражаетъ твердую надежду, что государство будущаго съумѣетъ охранить его права и интересы, обезпечить ему свободную, творческую дѣятельность.

Такимъ образомъ какъ сторонники большинства, такъ и меньшинства довольно единодушно приходятъ къ тому заключенію, что современное правовое государство еще не достигло той степени совершенства, которая обусловливаетъ собою полное осуществленіе *всѣхъ правовыхъ началъ* политической жизни. При углубленіи въ эту проблему естественно нарождается вопросъ, не кроется ли причина, мѣшающая осуществиться этимъ началамъ, въ самой *основѣ* общественнаго и политическаго развитія, не имѣетъ ли она органическій характеръ, не является ли она общей не только для государства, но и для всякаго общества? Каково вообще значеніе и цѣли общественнаго развитія съ точки зрѣнія правъ и свободы личности?

Законъ общественнаго развитія, въ новое время, какъ извѣстно, былъ формулированъ знаменитымъ англійскимъ мыслителемъ Спенсеромъ. По его ученію это есть интеграція, сопровождаемая дифференціацией.

Интеграція означаетъ сосредоточеніе развивающагося организма; дифференціація—обратный процессъ, процессъ постепеннаго расчлененія общества на группы. Этотъ законъ царитъ въ мірѣ органическомъ, ему подвластно все живущее; онъ примѣнимъ и къ эво-

люціи общественныхъ формъ и къ міру нравственному. Этимъ закономъ постепенно возрастающей интеграціи при постепенно возрастающей дифференціаціи Спенсеръ старался объяснить явленія общественнаго міра. Но дѣло въ томъ, что его интеграція, или все увеличивающаяся сплоченностъ отдѣльныхъ элементовъ, въ сферѣ общественныхъ явленій находитъ свой предѣлъ въ самостоятельности человѣческой личности, которая допускаетъ лишь извѣстную степень сплоченности, не исключающую ея самостоятельности Съ человѣческой точки зрѣнія не то общество совершенно, которое наиболѣе уподобляется компактности организма, а то, которое обезпечиваетъ за личностью наибольшую свободу. Научная критика, подвергшая анализу общій законъ развитія, предложенный Спенсеромъ, пришла къ тому заключенію, что и дифференціація его также неблагопріятна личности; расчленяя общество на маленькія группы и дробя трудъ на мельчайшія функціи, она обрекаетъ человѣка на роль незначительнаго орудія, лишаетъ его всякой самобытности, создаетъ преграды для личнаго развитія, препятствуетъ нравственному совершенству людей.

А между тѣмъ извѣстная дифференціація есть явленіе вполнѣ нормальное, та дифференціація, которая вытекаетъ изъ собственныхъ стремленій личности согласовать свою дѣятельность съ своими способностями. Такое проявленіе личности можетъ быть только желательнымъ, такъ какъ оно свидѣтельствуетъ о богатствѣ и развитіи индивидуальныхъ способностей, о свободѣ и живомъ обмѣнѣ силъ общества и личности.

Дифференціація, понимаемая какъ законъ *свободнаго* развитія силъ, не только не является преградой къ проявленію индивидуальныхъ свойствъ, но, наобо-

ротъ, представляетъ полное соотвѣтствіе съ требованіями живой личности, прямое выраженіе ея свободнаго роста.

Въ послѣднее время мысль объ общественной дифференціаціи, какъ свободной группировкѣ силъ и способностей, была прекрасно выяснена нѣмецкимъ соціологомъ и философомъ Зиммелемъ. Въ своей работѣ о „Соціальной дифференціаціи" *) Зиммель развиваетъ ту идею, что чѣмъ выше общество по своему культурному типу, тѣмъ болѣе развиты въ немъ различныя соціальныя группы, разныя общественныя положенія, и тѣмъ болѣе развивается въ немъ личность. По его мнѣнію, личность тѣмъ глубже и шире проявляетъ свою индивидуальность, чѣмъ дальше идетъ общественная дифференціація, соотвѣтственно потребностямъ и стремленіямъ человѣческой природы и человѣческой личности. Въ развитомъ обществѣ существуетъ много выходовъ и путей, много способовъ открывающихъ возможность личности проявить свои индивидуальныя особенности. Процессъ соціальной дифференціаціи не вреденъ, а напротивъ—выгоденъ для личности.

Теорія общественнаго развитія Зиммеля тѣсно связана съ особымъ представленіемъ о человѣческой личности — какъ о существѣ самобытномъ. Въ области политическихъ и соціальныхъ наукъ эта точка зрѣнія не рѣдко оспаривалась, оспаривается и по нынѣ. Еще писатели XVIII столѣтія, говоря о личности человѣка, имѣли въ виду его общую и отвлеченную сущность, равную всѣмъ ему подобнымъ.

При такомъ пониманіи личности устранялась всякая особенность, всякая оригинальность ея, и, дѣйстви-

*) Г. Зиммель. Соціальная дифференціація. 1898 г. С. 109—113, 151—152, 166—168.

тельно, открывалась полная возможность требованія, чтобы въ идеальномъ бытѣ, о которомъ, напримѣръ, говоритъ Руссо, всѣ были уравнены; природа каждой личности одинакова со всѣми другими, естественно, для всѣхъ должны быть и одинаковыя положенія.

Тотъ же взглядъ на природу личности былъ впослѣдствіи воспроизведенъ знаменитымъ нѣмецкимъ мыслителемъ и дѣятелемъ XIX вѣка Лассалемъ.

По его убѣжденію, стремленіе настоящаго времени идетъ противъ индивидуализма, противъ „узла особенности“ въ личности, какъ выражается Лассаль. Личность не должна имѣть въ себѣ ничего самобытнаго, оригинальнаго, въ ней не должно быть ничего „своего“.

Но, спрашивается, возставать противъ особенностей личности, не значитъ ли это возставать противъ личности вообще? Если мы сведемъ личность къ тому, что является для всѣхъ общимъ, то тѣмъ самымъ, вмѣстѣ съ устраненіемъ особенностей ея, устранимъ и самое понятіе индивидуальности. А между тѣмъ идея свободнаго развитія личности и заключается въ выдѣленіи особенностей ея изъ общей основы. Предложенное Лассалемъ пониманіе личности отрицаетъ ея права и всецѣло подчиняетъ ее обществу, игнорируетъ творческую, самобытную сторону индивидуума, отличающую его отъ ему подобныхъ, игнорируетъ то „свое“, что и составляетъ самый центръ понятія личности.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ тому убѣжденію, что въ условіяхъ общественнаго развитія нѣтъ началъ, противорѣчащихъ праву личности; основываясь на этомъ, мы считаемъ себя въ правѣ раздѣлять то научное мнѣніе, что въ корнѣ современнаго намъ

правового государства не существуетъ такихъ непреоборимыхъ органическихъ недостатковъ, которые исключали бы возможность постепеннаго его улучшенія и усовершенствованія, конечно, въ предѣлахъ силъ и средствъ человѣческихъ.

Но раздѣляемая нами вѣра въ процессъ государственнаго усовершенствованія, въ лучшее будущее организованнаго человѣчества, все же не приводитъ насъ къ устраненію извѣстныхъ неравенствъ, неизбѣжно вытекающихъ изъ различія въ развитіи, познаніяхъ, количествѣ, качествѣ и напряженности работы. Такія различія остаются въ любомъ обществѣ, которое признаетъ отдѣльную личность и проявленіе ея особенностей.

Мы, однако, понимаемъ и психологическую основу тѣхъ нѣкоторыхъ современныхъ намъ ученій, которыя въ своемъ стремленіи удовлетворить потребности человѣческой природы—уйти отъ окружающихъ золъ и бѣдствій и забыться мечтою о грядущемъ счастіи, предрекаютъ относительно близкое наступленіе полнаго единства и гермоніи человѣческой жизни. Цѣлыя направленія отдаютъ дань этой человѣческой потребности. Выдающіеся мыслители, экономисты и соціологи, исповѣдуя принципъ измѣнчивости общественныхъ формъ, прозрѣвая въ историческомъ процессѣ вѣчное и непрерывное теченіе, не знающее остановокъ и задержекъ, все же, уступая влеченію сердца и потребности дѣйствія среди людей, приходятъ къ руководящему незыблемому началу, къ вѣчно-свѣтлымъ перспективамъ счастливой соціальной жизни, къ тому земному раю, гдѣ, по выраженію извѣстнаго поэта Гейне, „для всѣхъ будетъ достаточно и розъ, и миртъ, и радостей, и красоты". *).

*) П. И. Новгородцевъ. Конспектъ къ лекціямъ по исторіи философіи права. 1908. С. 238—239 и др.

Къ сожалѣнію сложность жизни, глубина общественныхъ противорѣчій, трудность задачи умиротворенія отодвигаютъ этотъ рай въ безконечную даль. Но, стремясь лишь къ достижимому, не слѣдуетъ во всякомъ случаѣ ослаблять силы прогрессивныхъ побужденій, возлагая надежды не только на усовершенствованіе учрежденій и законовъ, но, въ особенности, на улучшеніе нравовъ и общественной этики, на нравственное возрожденіе людей.

Еще древніе философы Платонъ и Аристотель полагали, что лучшія формы общественнаго быта не могутъ быть осуществлены безъ взаимнаго чувства симпатіи и солидарности. И думается, что никакое демократическое государство съ его народнымъ суверенитетомъ, никакое обобществленіе производства не избавятъ человѣчество отъ проявленія новыхъ формъ соціальнаго рабства и угнетенія безъ коренного, нравственнаго измѣненія самой человѣческой личности. Одухотвореніе человѣческой жизни — вотъ необходимое условіе для правильныхъ политическихъ и общественныхъ формъ. Міръ правды и добра кроется въ возрожденіи человѣческаго духа и въ нравственныхъ усиліяхъ людей.

Одесса, 15 апрѣля,
1908 года.

